

A woman with dark hair styled in an updo, wearing a white lace dress, is seen from the back and side, looking into a large, ornate, gold-framed mirror. The mirror reflects her face and upper body. She is standing in a room with a desk in front of her, which has several books and papers on it. The lighting is warm and dramatic, highlighting the intricate details of the mirror and the lace on her dress.

Ольга Ефимова

ЗЕРКАЛЬНЫЙ КРУГ

18+

Ольга Ефимова

ЗЕРКАЛЬНЫЙ КРУГ

<https://litres.ru/74073176>

SelfPub; 2026

Аннотация

Алина Соболева — музейный реставратор, чья жизнь течёт тихо и размеренно. Но однажды она касается старого трюмо из особняка Воронцовых — и всё меняется. В зеркальной глади она видит убийство молодой женщины, совершённое двадцать лет назад. Незнакомка в белом платье смотрит на неё с мольбой: «Спаси её».

Алина не знает, кому угрожает опасность, но дар предвидения, пробудившийся вместе с видением, не даёт ей покоя. Вскоре она понимает: убийство Анны Воронцовой — лишь верхушка ледяного айсберга. За ним стоит тайная организация «Круг Зеркал», охотящаяся за древними артефактами, способными управлять судьбами людей.

Вместе с названной сестрой Никой, бывшим следователем Глебом и потерянным наследником Михаилом Алина вступает в опасную игру. Ей предстоит разгадать замысел мастерицы Анастасии Стекловой, создавшей проклятые зеркала. Но цена правды может оказаться слишком высокой: древняя тьма пробуждается, и теперь на кону — не только жизнь героини, но и судьба всех, кто обладает даром.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Старое трюмо	7
Глава 2. Спаси её	21
Глава 3. Особняк	33
Глава 4. Тайна подвала	41
Глава 5. Свидетель	51
Глава 6. Сергиев Посад	60
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Ольга Ефимова

ЗЕРКАЛЬНЫЙ КРУГ

Пролог

Особняк Воронцовых, ночь на 14 августа 2004 года

Анна знала, что умрёт сегодня. Она увидела это три дня назад в старом трюмо, которое стояло в её спальне. Сначала она подумала, что это просто игра света, усталость, нервное напряжение — она ждала ребёнка, срок был уже большой, и мысли путались. Но картина не исчезала: отражённая в мутноватой глади зеркала, она стояла у окна, а за её спиной вырастала тень. Тень поднимала руку, и в руке блестело что-то острое. Анна не видела лица — зеркало показывало лишь контуры, но в них угадывалась фигура, которую она знала слишком хорошо. Она хотела отшатнуться, но зеркало держало её взгляд, и она видела, как тень приближается, как лезвие входит в спину, и как она, Анна, падает на пол, глядя в стекло. И там, в глубине, она успевала заметить собственное умирающее лицо.

Она не рассказала никому. Ни мужу, которого уже не было в живых, ни свекрови, которая смотрела на неё с той ледяной вежливостью, от которой по коже бежали мурашки, ни старому Николаю, слуге, который всегда казался ей един-

ственным другом в этом доме. Что бы она сказала? Что зеркало показывает будущее? Её сочли бы безумной. Или хуже — той, в ком говорит дьявол. А в этом доме, старом купеческом гнезде, религиозность была странной смесью с жестокостью.

В ту ночь Анна не спала. Она сидела в кресле у окна, положив руки на огромный живот, и смотрела на луну. Луна была полной, и её свет заливал комнату серебром. Трюмо стояло напротив, и Анна видела в нём своё бледное лицо, обрамлённое тёмными волосами. Она выглядела так, будто уже была призраком. На ней было белое платье — то самое, которое она сшила на рождение малыша, лёгкое, летнее, с вышивкой по подолу. Теперь она понимала, что не наденет его на крестины. Оно станет её саваном.

Она попыталась встать и подойти к двери, чтобы запереться на засов, но тело было тяжёлым, а ноги словно приросли к полу. Анна вдруг поняла, что не хочет убегать. Если это её судьба, то она примет её. Но она хотела знать — кто? Кто войдёт этой ночью?

Она медленно повернулась к трюмо. Зеркало было старым, в тёмной резной раме, с потёками на стекле, словно вековая медь. Анна подошла к нему, прикоснулась рукой к холодной поверхности. И увидела.

Не так, как раньше — не смутный силуэт, а ясное отражение. Позади неё стоял человек. Она знала его, знала каждую морщину, каждую прядь седых волос, каждую черту жесто-

кого лица. Она открыла рот, чтобы позвать на помощь, но голос пропал. Человек шагнул вперёд, и в его руке блеснул нож.

— Зачем? — только и смогла прошептать Анна, глядя в зеркало на того, кто стоял у неё за спиной. Но ответа не последовало. Лезвие вошло между лопаток быстро и почти без боли — только холод, растекающийся по телу, и удивление. Она упала на колени, потом на бок, щекой касаясь прохладного деревянного пола. Её глаза были открыты, и она видела то же самое трюмо, только теперь в нём отражался убийца, который склонился над ней, чтобы убедиться, что она мертва.

И в последний миг, когда сознание уже угасало, Анна увидела в зеркале нечто странное. Вместо убийцы там появилась другая женщина — молодая, с каштановыми волосами, с испуганными глазами. Женщина смотрела прямо на Анну и шевелила губами, произнося беззвучно: «Я найду тебя. Я спасу их».

Анна улыбнулась. Она не знала, кто эта женщина из будущего, но почему-то поверила ей. И когда смерть накрыла её чёрной пеленой, последнее, что она увидела в зеркале, было светлое пятно — белое платье, которое колыхалось на ветру у воды.

Зеркало запомнило всё. И ждало.

Глава 1. Старое трюмо

Август в Зареченске всегда был липким, душным и до краёв наполненным запахом прогретой воды из озера. Городок лежал на берегу, и даже в центре, в двух кварталах от набережной, воздух казался солёным и влажным, будто здесь никогда не дул ветер. Алина Соболева терпеть не могла эту погоду, но сегодня утром ей почему-то хотелось, чтобы лето не кончалось. Она стояла у раскрытого окна своего кабинета в городском краеведческом музее и смотрела на пожухлые липы, за которыми угадывалась синяя полоса озера. Восемь утра, солнце уже жарило вовсю, и музейный двор заливал белый, выцветший свет.

Музей размещался в бывшем купеческом доме конца девятнадцатого века — двухэтажном особняке с колоннами и лепниной, которую никто не реставрировал лет тридцать. Внутри пахло пылью, старым деревом и чем-то сладковатым, похожим на сушёные яблоки. Алина работала здесь уже шесть лет, и каждый день, переступая порог, она чувствовала необъяснимый трепет. Как будто стены что-то помнили, и она, сама того не желая, становилась частью их памяти.

Она была художником-реставратором по образованию, хотя в штате музея числилась просто хранителем фондов. Реставрацией здесь занимались редко — денег не хватало, а старые картины и иконы лежали в запасниках, ожидая луч-

ших времён. Алина чаще всего переписывала этикетки, составляла описи и отвечала на звонки школьных экскурсий. Но иногда, когда ей попадалась в руки особо старая вещь — бювар с бархатной обивкой, подсвечник с потускневшим серебром или пожелтевшая фотография в резной рамке, — она чувствовала странное волнение. Тёплое покалывание в кончиках пальцев, лёгкую тошноту и почти физическое ощущение, что предмет сейчас расскажет ей свою историю. Она привыкла к этому, считала это профессиональной интуицией, игрой воображения. И никогда не придавала значения.

Именно поэтому, когда главный хранитель Музейного отдела, грузная Любовь Ивановна, ввалилась в кабинет с сияющим лицом и сообщила, что сегодня из сносимого особняка на Старой улице привезут ценнейший экспонат, Алина не обрадовалась. Она знала этот особняк — серый, запущенный, с заколоченными окнами, о котором ходили дурные слухи. Говорили, что там когда-то жила купеческая семья Воронцовых, и что там произошло убийство. Алина не любила мистику, но при одном упоминании этого дома у неё внутри всё сжималось.

— Трюмо, — объявила Любовь Ивановна, поправляя очки на кончике носа. — Настоящее, девятнадцатый век, работы неизвестного мастера, но какая резьба! Какая древесина! Это же чёрный дуб, Алина, ты представляешь? Наш директор еле выбил разрешение, чтобы его перевезли к нам. Особняк снесут через неделю, а там такие сокровища. Мы

поставим его в центральном зале, прямо напротив окон, чтобы свет падал. Туристы будут ахать.

Алина слушала вполуха. Она перебирала старые журналы учёта, откладывая в сторону те, что рассыпались от времени.

— Когда привезут? — спросила она без особого интереса.

— Сегодня, часам к одиннадцати. Я попросила грузчиков, но они сказали, что им нужно помочь разгрузить, потому что трюмо очень тяжёлое. И хрупкое, зеркало — старое, мутное, но целое. Алина, ты не могла бы встретить их? Помочь, проследить, чтобы не уронили. Я бы и сама, но у меня совещание в городе.

Алина вздохнула. Она знала, что отказов не принимают. Любовь Ивановна была женщиной властной и привыкшей, что все её просьбы воспринимаются как приказы.

— Хорошо, — кивнула Алина. — Я встречу.

В одиннадцать утра во двор въехал грузовик с открытым кузовом. Алина вышла на крыльцо и прищурилась от солнца. Трое грузчиков уже снимали верёвки и брезент, скрывавшие что-то высокое и массивное. Сердце Алины вдруг забилось быстрее — она сама не поняла почему. Она подошла ближе и увидела трюмо.

Оно было огромным — почти два метра высотой, с широким зеркалом в тёмной, резной, почти чёрной раме. Раму украшали виноградные гроздья, переплетённые с дубовыми листьями, и в центре, над зеркалом, было вырезано лицо античной женщины — богини? музы? — с закрытыми глазами.

Древесина была тёмной, плотной, с едва заметным серебристым отливом — старый дуб, какой сейчас не найти. От трюмо исходил запах сырого подвала и пылицы, и ещё чего-то сладкого и горького одновременно, как полынь.

Алина застыла на месте. Её рука сама собой потянулась к раме, но она одёрнула себя. Грузчики недовольно кряхтели, перетаскивая трюмо на специальной тележке через порог. Она пошла за ними, указывая дорогу: через вестибюль, по лестнице вниз, в запасник, потому что центральный зал был занят детской выставкой. Они спустились в полуподвал — прохладное, пахнущее известкой помещение, где хранились неэкспонированные экспонаты. Грузчики поставили трюмо у стены, вытерли пот и ушли, получив на чай и оставив Алину наедине с этой машиной.

Она стояла и смотрела на него. Солнечные лучи пробивались сквозь высокое, зарешёченное окно и падали на зеркало, но не отражались от его мутноватой поверхности, а как будто впитывались в неё. Зеркало было старым — оловянная амальгама местами осыпалась, и сквозь неё проступали тёмные пятна. Но в целом оно было целым, и в глубине его угадывался какой-то тусклый серебряный свет. Алина вдруг поняла, что стоит перед ним уже минуту, замерев, и не может отвести взгляд. Её собственное отражение казалось размытым, чужим — будто в зеркале была не она, а её двойник из другого времени.

Она сделала шаг вперёд. Ей стало страшно, но одновре-

менно любопытство пересилило. Она подняла руку и медленно провела кончиками пальцев по холодной поверхности зеркала. Под пальцами стекло дрогнуло — или это ей показалось? — и Алина почувствовала тот самый ток, то покалывание, которое иногда возникало при работе со старыми вещами. Но сейчас оно было в сто раз сильнее. Оно шло от пальцев к запястью, поднималось по руке и достигало затылка, заставляя волосы шевелиться.

И вдруг мир вокруг погас. Исчезли стеллажи с ящиками, исчезло окно, исчез даже пол под ногами. Осталась только гладь зеркала — она расширилась, заполнила всё пространство перед глазами, и Алина увидела.

Она стояла на берегу озера. Нет, не она — она смотрела на всё как бы сверху, словно была сторонним наблюдателем, но чувствовала запахи, слышала звуки и даже ощущала влажный песок под босыми ступнями, хотя её обувь была на месте. Время было ночным — луна висела над водой, белая, огромная, и заливала мокрый берег холодным серебряным светом. Вода была тёмной, почти чёрной, и тихо плескалась о пологий песок. Пахло водорослями, рыбой и чем-то металлическим.

На песке лежала женщина. Молодая, в белом лёгком платье, с распущенными тёмными волосами, которые разметались по мокрому песку, как водоросли. Лицо её было бледным, глаза закрыты, руки раскинуты в стороны, ладони раскрыты кверху. Она не двигалась. Платье набухло водой, при-

липло к телу, и на подоле Алина разглядела вышивку — тонкий узор, напоминающий полевые цветы, васильки и ромашки, сделанный бледно-голубыми нитками.

Алина хотела крикнуть, броситься к ней, но тело её не слушалось. Она застыла, как привязанная к месту, и могла только смотреть. И в этот момент женщина приоткрыла глаза. Они были тёмные, почти чёрные, и смотрели прямо на Алину с немым вопросом и ужасом. Губы её шевельнулись, но вместо слов из них вышла только струйка воды. А затем видение схлопнулось — резко, больно, как удар в грудь.

Алина отшатнулась от трюмо, задела рукой стеллаж и чуть не упала. Сердце колотилось где-то в горле, ладони вспотели, в ушах стоял звон. Она оглянулась — вокруг был всё тот же запасник, те же стеллажи, пыльный пол и окно, сквозь которое лился солнечный свет. Тишина. Только её собственное сбитое дыхание.

Она перевела взгляд на зеркало. Оно теперь было спокойным, обычным, тусклым. В нём отражалась она сама — бледная, с расширенными зрачками, с капелькой пота на виске. И ничего больше.

— Что это было? — прошептала Алина вслух. Голос прозвучал хрипло, чуждо.

Она провела рукой по лицу, пытаясь прийти в себя. Галлюцинация? Но она никогда не страдала ни галлюцинациями, ни какими-либо расстройствами. Может быть, это солнечный удар? Или от жары и усталости у неё помутилось со-

знание? Она взяла себя в руки, глубоко вздохнула несколько раз и попыталась рационально объяснить случившееся. Она прикоснулась к старому зеркалу, вдохнула пыль, и мозг сыграл с ней злую шутку. Просто воображение, разыгравшееся на нервной почве.

Но видение было слишком реальным. Она чувствовала запах озера, холод песка, влажность платья той женщины. Она слышала шум воды и видела каждую деталь — даже маленькую родинку у левого глаза незнакомки. И белое платье с вышивкой, которую она нигде раньше не видела.

Алина отошла от трюмо, заперла запасник на ключ и поднялась наверх, в свой кабинет. Она села за стол, налила себе холодной воды из графина, выпила залпом. Руки всё ещё дрожали. Она глянула на часы: половина двенадцатого. Она простояла у зеркала не больше пяти минут, но ей показалось, что прошла целая вечность.

Она попыталась сосредоточиться на работе — открыла папку с описями, взяла ручку, но цифры и буквы плыли перед глазами. Перед ней всё стояла картина: мокрый песок, лунный свет, бледное лицо женщины в белом. Почему именно это? Почему она? Алина никогда не видела этого места — она редко бывала на пляже, предпочитая гулять в парке. И женщина была незнакома.

Может быть, это сцена из какого-то фильма, случайно увиденного? Но Алина почти не смотрела телевизор, а ужастики не любила. Она пыталась найти логическое объясне-

ние и не находила.

В полдень пришла Любовь Ивановна, довольная и раскрасневшаяся от жары. Она заглянула в кабинет, окинула взглядом Алину.

— Что-то ты бледная, — заметила она. — Опять не завтракала? Смотри, упадёшь в обморок. Трюмо в порядке? Грузчики не повредили?

— Всё хорошо, — ответила Алина, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Оно стоит в запаснике. Очень красивое.

— Ещё бы! — воскликнула Любовь Ивановна. — Я тебе говорила — ценный экспонат. Надо будет его почистить, протереть, раму обработать от жучка. Возьмёшься?

— Конечно, — кивнула Алина. Ей вдруг ужасно захотелось остаться одной. — Я займусь им завтра. Сегодня что-то голова болит.

— Отдохни, — разрешила начальница и ушла.

Алина просидела в кабинете до самого вечера. Она несколько раз порывалась спуститься в запасник, чтобы снова взглянуть на трюмо, но каждый раз останавливала себя. Она боялась. Боялась, что стоит ей прикоснуться к зеркалу, как видение повторится, и она не выдержит этого во второй раз. Но любопытство грызло её изнутри. Что это было? Случайная игра теней? Или зеркало и в самом деле показывало ей что-то?

Она вспомнила, как в детстве у неё иногда случались странные ощущения — когда она брала в руки старую куклу,

доставшуюся от бабушки, ей казалось, что кукла хочет что-то сказать. Тогда она считала это просто детской фантазией, но сейчас, спустя годы, она задумалась. Может быть, это не было игрой воображения? Может быть, некоторые вещи хранят в себе память? Или энергию?

Она набрала номер сестры. Ника ответила сразу, её весёлый голос прорвался через динамик, как глоток свежего воздуха.

— Алёна? Ты чего, рабочий день ещё не кончился, а ты уже звонишь? Это что-то срочное?

— Нет, — ответила Алина и улыбнулась вопреки своему состоянию. — Просто соскучилась. Как твой день?

— Ой, не спрашивай! Этот идиот-администратор опять перепутал бронирования, и теперь две семьи претендуют на один номер. Я как крокодил между ними лавирую. Устала, как собака. А ты что, тихо-мирно в своём музее? Опять старые тряпки перебираешь?

— Почти, — усмехнулась Алина. — Привезли одно трюмо, очень старое и красивое. Я даже испугалась, когда его увидела.

— Испугалась? — Ника хмыкнула. — Ты, которая в детстве боялась только пауков, а сейчас и их не боишься. Трюмо, говоришь? Наверное, в нём привидения водятся. Это же Воронцовский особняк, да? Я слышала, что там нечисто.

— Ерунда, — сказала Алина, но голос дрогнул. — Просто оно очень массивное, неожиданно.

— Ладно, не бойся, — отмахнулась Ника. — Давай, забегай какнибудь, поужинаем. Поболтаем.

— Хорошо, — согласилась Алина. Она всегда чувствовала себя спокойнее рядом с сестрой.

Она повесила трубку и посмотрела в окно. Солнце клонилось к закату, тени лип вытянулись по двору. Осталось полчаса до закрытия. Алина собрала вещи, закрыла кабинет, прошла мимо запасника и задержалась на секунду у двери. Она слышала, как тихонько гудит вентиляция, и думала о том, что там, за дверью, стоит это трюмо и ждёт. Ждёт её завтрашнего прикосновения.

Она нажала на ручку — просто чтобы убедиться, что дверь заперта. Но ручка повернулась, и дверь приоткрылась. Алина заглянула внутрь: в темноте запасника смутно вырисовывался силуэт трюмо. Луч заходящего солнца, пробиваясь через зарешёченное окно, упал на зеркало, и в нём на мгновение отразился не запасник, а что-то другое — та же луна, тот же мокрый берег. Алина ахнула, втянула голову и захлопнула дверь. Её сердце снова забилось, как бешеное.

Она выбежала из музея и почти побежала по улице, не оглядываясь, до самого дома. Но даже когда она села в автобус и уставилась в окно, перед её глазами стоял тот силуэт — молодая женщина в белом платье, лежащая на мокром песке. И её открытые, полные ужаса глаза, которые смотрели прямо на неё, Алину, из глубины времени.

Всю ночь ей снилась вода. И она тонула в ней, захлёбы-

ваясь, и не могла вынырнуть, и только белый свет откуда-то сверху манил её, но не давал спастись. А когда она просыпалась, мокрая от пота, и смотрела в тёмный потолок своей спальни, она снова видела то же самое трюмо — тёмную раму и мутное стекло, в котором отражалась не она, а чужое лицо.

Наутро она пришла в музей раньше обычного. Она решила, что должна разобраться. Если это была галлюцинация — что ж, она пойдёт к врачу. Но если нет... если зеркало и правда показывало ей что-то, она должна была узнать, что именно. И кто та женщина.

Она спустилась в запасник, включила свет. Трюмо стояло у стены, серое и безмолвное. Алина подошла к нему, остановилась в шаге, вглядываясь в своё отражение. Она выглядела бледной, глаза окружены тёмными кругами. Но в глубине зеркала, за её спиной, ей почудилось какое-то движение. Она резко обернулась — никого. Пустой запасник, стеллажи с ящиками, тишина.

Она снова повернулась к зеркалу и, собрав всю свою волю, протянула руку и коснулась его. На этот раз она не просто приложила пальцы — она прижала всю ладонь к холодному стеклу. И в ту же секунду комната исчезла. Всё повторилось: лунный свет, мокрый берег, запах водорослей, но теперь она видела больше. Женщина на песке была не одна. Рядом, в тени, стояла фигура в чёрном, с капюшоном, лица не разобрать. Фигура склонилась над женщиной, и в руке у

неё блеснул нож.

Алина закричала. Она закричала так громко, что на мгновение видение разорвалось, и она снова оказалась в запаснике, прижатая спиной к стеллажу, дрожащая и обезумевшая. Она смотрела на свои руки, на ладонь, ещё хранящую холод стекла, и не могла поверить в то, что произошло.

Теперь она знала наверняка: это было не воображение. Трюмо показывало ей реальность — или прошлое, или будущее. Она не знала. Но она знала одно: женщина в белом платье была убита, и убийца стоял рядом. И Алина видела это так же ясно, как видела сейчас стены своего музея.

Она упала на колени, обхватила голову руками и замерла. Она не знала, что делать. Рассказать кому-то? Её сочтут сумасшедшей. Но молчать тоже было нельзя. Потому что она чувствовала — это видение было предупреждением. И оно касалось не только незнакомой женщины из прошлого. Оно касалось её самой. Или, что ещё хуже, кого-то, кто был ей дорог.

Она подняла голову и снова посмотрела на трюмо. Зеркало было спокойно, и в нём отражался только пустой запасник. Но Алина знала, что это не конец. Это было только начало.

Она медленно поднялась на ноги, вытерла слёзы, которые сами собой покатались по щекам, и вышла из запасника. Она закрыла дверь и повернула ключ, впервые по-настоящему понимая, что тот, кто стоит за этим зеркалом, не просто

ждёт. Он наблюдает. И он не один.

Алина поднялась в свой кабинет, села за стол, открыла ноутбук и набрала в поисковике: «Воронцовский особняк, убийство 2004 год». Через секунду на экране высветилась новостная заметка из местной газеты, пожелтевшая от времени, но всё ещё читаемая. «В ночь на 14 августа в особняке купцов Воронцовых обнаружена убитой Анна Воронцова, 28 лет, беременная. Подозреваемый не найден. Дело закрыто за отсутствием состава преступления».

Алина вчиталась в слова, и кровь застыла в жилах. Анна Воронцова. Женщина, которую убили. И она, Алина, видела её в зеркале. Она прикоснулась к вещи, которая принадлежала убитой, и та показала ей свою смерть. Но зачем? Почему она, Алина, которая никак не связана с этой семьёй?

Ответа не было. Но Алина чувствовала, что этот вопрос будет преследовать её до тех пор, пока она не найдёт правду. Пока не поймёт, почему трюмо выбрало именно её.

Она закрыла ноутбук и посмотрела в окно, где уже начал новый день, такой же солнечный и душный, как и вчера. Но теперь мир вокруг неё изменился. Он стал глубже, опаснее, и в каждой тени ей теперь чудился тот самый силуэт в чёрном капюшоне, стоящий на берегу озера.

Алина взяла телефон и набрала номер Ники.

— Привет, — сказала она, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Ты не занята сегодня вечером? Нам нужно поговорить. Очень серьёзно.

— Что случилось? — спросила Ника, встревоженная необычным тоном сестры.

— Я расскажу, когда увидимся. Только обещай, что никому не скажешь. Это важно.

— Конечно, — ответила Ника, и Алина на мгновение успокоилась. Пока у неё есть сестра, она не одна. Даже перед лицом этого жуткого зеркала, которое уже начало изменять её жизнь, она не была одна.

Она отключила звонок, встала и подошла к двери, ведущей в запасник. Она не собиралась больше прикасаться к трюмо, по крайней мере сегодня. Но она хотела посмотреть на него ещё раз, просто удостовериться, что он на месте, что видения не были плодом больного воображения. Она открыла дверь, заглянула внутрь. Трюмо стояло на том же месте. Но теперь в зеркале, на самой его поверхности, там, где ещё недавно не было ничего, появилась едва заметная надпись, выцарапанная тонким почерком. Алина приблизилась и прочитала: «Спаси её. Или она умрёт».

Она отшатнулась, и дверь захлопнулась перед ней с гулким стуком. Её руки дрожали, а в голове звенела одна-единственная мысль: кто «она»? Кого нужно спасти? И не слишком ли поздно?

Но ответа не было. И тишина музея, нарушаемая только гудением старого холодильника, была зловещей и пугающей. Алина поняла, что её жизнь уже никогда не станет прежней. Трюмо выбрало её. И она должна была принять этот вызов.

Глава 2. Спаси её

Алина вышла из музея, не оглядываясь. Солнце стояло в зените, и воздух над раскалённым асфальтом дрожал, как над костром. Обычно она любила этот час — тихий, полуденный, когда город замирал в истоме и даже птицы умолкали. Но сейчас ей было не до красот. В голове стучала одна-единственная фраза: «Спаси её. Или она умрёт». Она повторяла её про себя, как заклинание, и каждый раз слова отдавались глухим эхом в груди, будто кто-то бил в колокол.

Она шла по улице Советской, мимо знакомых витрин, мимо детской площадки, где малыши возились в песочнице, и чувствовала себя чужой в этом мире. Люди вокруг жили своей обычной жизнью — кто-то нёс авоську с продуктами, кто-то смеялся в телефон, подростки катались на велосипедах. Никто из них не знал, что час назад она стояла перед старым зеркалом и видела убийство. Никто не знал, что её пальцы до сих пор хранили холод стекла, который не проходил даже под палящим солнцем.

Она хотела позвонить Нике сразу, но передумала. Лучше встретиться лично. Телефонные разговоры не передают всего ужаса, который она испытывала. Она свернула к озеру, села на скамейку в тени старого тополя и уставилась на водную гладь. Вода была спокойной, почти зеркальной, и Алина вздрогнула, когда увидела в ней своё отражение — такое

же бледное и испуганное, как в том трюмо. Она провела рукой по лицу, стирая несуществующую пыльцу, и заставила себя дышать ровно. Ей нужно было успокоиться, чтобы при встрече с Никой не выглядеть сумасшедшей.

Она достала телефон и набрала сообщение: «Встречаемся в семь в нашем кафе на набережной. Очень важно». Ника ответила почти сразу: «Ок, буду». Коротко, без вопросов — она знала, что если сестра пишет «очень важно», значит, так и есть.

Алина просидела на скамейке ещё час, глядя на чаек, которые кружили над водой, и пытаюсь собрать мысли в кучу. Она перебирала в памяти все странные случаи из своей жизни, которые раньше считала случайностями. Когда ей было десять, она взяла в руки старую бабушкину брошь и вдруг отчётливо «увидела», как бабушка надевает её на свадьбу — в белом платье, молодая и счастливая. Тогда она подумала, что просто фантазирует. Но через год бабушка показала ей свадебную фотографию, и брошь оказалась точно такой же. Алина не придавала этому значения — дескать, совпадение. Или когда она в институте случайно коснулась рукой библиотечной книги девятнадцатого века и почувствовала чей-то страх — такой сильный, что чуть не упала в обморок. Она списала это на усталость.

Теперь же все эти фрагменты складывались в мозаику, которая пугала своей очевидностью. Она всегда могла «читать» вещи, но никогда не прислушивалась к этому дару. А сего-

дня зеркало заставило её увидеть всё в полную силу.

В семь часов вечера она уже сидела в кафе «У причала» — маленьком, уютном местечке с видом на озеро. Закат окрашивал воду в розовые и золотые тона, и было почти красиво, если бы не тоска, сжимавшая грудь. Алина заказала чай и ждала сестру, нервно покручивая в руках бумажную салфетку.

Ника ворвалась, как всегда, стремительно — с улыбкой, с сумкой через плечо, с лёгким ветерком в коротких светлых волосах. Она была младше на два года, но казалась старше по жизни — более уверенная, более приземлённая, всегда знающая, что делать. Она села напротив, заказала лимонад и, не дав Алине и рта раскрыть, начала рассказывать о своих проблемах с клиентами в отеле.

— ...и этот тип из Москвы требовал номер с видом на озеро, а у нас все были заняты, я ему говорю — через два дня освободится, а он как заорёт! Представляешь? — Ника смеялась, но Алина не могла улыбнуться в ответ. Она смотрела на сестру и думала: «Она такая живая, такая настоящая. И я должна сказать ей то, что может разрушить её спокойствие».

— Ник, — перебила она резко, — послушай меня. Это серьёзно.

Ника осеклась, заметив лицо сестры. Она отставила стакан и наклонилась вперёд.

— Что случилось? Ты выглядишь... неважно.

Алина вздохнула и, запинаясь, начала рассказывать. Она

говорила о трюмо, о видении, о мёртвой женщине в белом платье, о надписи, появившейся на стекле. Она старалась говорить как можно более фактологично, без лишней эмоциональности, но голос всё равно срывался. Когда она закончила и замолчала, повисла пауза. Ника смотрела на неё широко раскрытыми глазами, потом медленно откинулась на спинку стула.

— Алён, — сказала она осторожно, — ты уверена, что это не... ну, не стресс? У тебя на работе последнее время было много нервотрёпки. Может, тебе стоит взять отпуск? Съездить на море?

— Ника, я не прошу тебя верить. — Алина достала из сумки распечатку той самой новостной заметки, которую нашла утром. — Я просто хочу, чтобы ты посмотрела на это. Анна Воронцова, убита в 2004 году, беременная. Я видела её лицо. Она лежала на берегу нашего озера, в белом платье, и на нём была точно такая же вышивка, какую ты показывала мне позавчера — голубые васильки. Ты помнишь, ты купила новое платье на корпоратив?

Ника побледнела. Она взяла распечатку, пробежала глазами по тексту и подняла взгляд на сестру.

— Но это просто совпадение, — сказала она уже неувереннее. — Васильки — это популярный узор. И вообще, откуда ты знаешь, что это озеро? В заметке не сказано, где нашли тело.

— Я видела озеро, — твёрдо ответила Алина. — Я видела

его в зеркале. Тот самый пляж, где мы купались в детстве. Песок, старый пирс, то самое дерево, где мы прятали ключи от велосипедов. Я знаю это место, Ника. Я не могла это придумать.

Ника молчала, переваривая. Она не была суеверной, но она любила сестру и знала, что Алина не склонна к истерикам. Если она говорит, значит, что-то действительно произошло.

— И что теперь? — спросила она наконец. — Ты хочешь пойти в полицию?

— И что я скажу? Что мне показало зеркало из купеческого особняка, как двадцать лет назад убили женщину? Меня отправят в психиатрическую лечебницу, — горько усмехнулась Алина. — Нет, я хочу сама разобраться. Найти, кто это был, и понять, кого я должна спасти. Надпись не на пустом месте — она появилась после того, как я прикоснулась к трюмо. Значит, это сообщение адресовано мне.

— Но зачем? — Ника нахмурилась. — Ты не имеешь никакого отношения к этой семье Воронцовых. Мы даже не местные, ты же знаешь — мы приехали сюда после смерти родителей, когда нам было по десять и двенадцать лет. И мы жили в другом районе.

— Я знаю. — Алина задумалась. — Но, может быть, это не только про прошлое. Может быть, это предупреждение о будущем. Что, если кто-то из нас в опасности?

— Из нас? — Ника усмехнулась, но в усмешке не было

веселья. — Ты хочешь сказать, что я могу оказаться в белом платье на берегу?

— Я не знаю, — честно ответила Алина. — Но я не могу сидеть, сложа руки. Завтра я хочу поехать в городскую библиотеку, порыться в архивах. Узнать, что ещё известно об этом деле.

— Я с тобой, — сказала Ника, и в голосе её зазвучала привычная твёрдость. — Только завтра у меня смена до вечера, но после работы я свободна. А сегодня давай-ка поедим нормально и попробуем не думать об этом. Договорились?

Алина кивнула, но знала, что думать о другом не сможет. Весь вечер она сидела в кафе, глядя, как опускаются сумерки над озером, и в каждой тени ей чудился тот силуэт с ножом. Ника болтала о работе, о своих планах, но Алина слышала её слова как сквозь вату. Она думала об одном — завтра она начнёт своё расследование.

Утром, едва музей открылся, Алина отпросилась у Любови Ивановны по личным делам и отправилась в центральную библиотеку. Это было серое здание в стиле сталинского ампира, с высокими потолками и запахом старой бумаги. Она знала здесь каждого библиотекаря — они часто сотрудничали с музеем.

— Мне нужны подшивки местных газет за 2004 год, — сказала она девушке за стойкой. — И, если можно, справочник по родословной купеческих семей Зареченска.

— Воронцовы? — спросила библиотекарь, пожилая жен-

щина в очках с толстыми стёклами. Она внимательно посмотрела на Алину. — Вы не первая, кто интересуется этой семьёй. Несколько лет назад приходил один журналист, писал статью об убийстве. Но так ничего и не раскопал. Дело старое, запутанное.

— Я знаю, — кивнула Алина. — Но мне нужно всё, что есть.

Она провела в читальном зале три часа. Пролистывая пожелтевшие страницы газет, она находила короткие заметки: «В особняке Воронцовых обнаружена убитой беременная женщина», «Подозреваемый не найден», «Следствие зашло в тупик». Но были и другие упоминания — статьи о благотворительности Воронцовых, о реставрации старых зданий, об их участии в городской жизни. Создавалось впечатление, что семья была уважаемой и богатой, а убийство стало для всех шоком. Имя убийцы так и не назвали.

Но самое интересное Алина нашла в справочнике о купеческих династиях. Там была подробная генеалогия Воронцовых: основатель династии, Егор Воронцов, построил первый паровой завод в конце XIX века. Его потомки разбогатели, строили особняки, жертвовали на церкви. В 2004 году главой семьи был Павел Воронцов, его сын, женатый на Анне. У Анны была дочь от первого брака? Нет, в справочнике указывалось, что Анна вышла замуж за сына Павла, Дмитрия, но Дмитрий погиб в автокатастрофе за год до убийства. Анна ждала ребёнка от него, но он не родился — она была

убита на седьмом месяце.

Алина замерла. Если Анна была беременна, то ребёнок погиб вместе с ней. Но где-то в глубине души она почувствовала, что это не так. Почему-то ей вспомнилась надпись на зеркале — «Спаси её». Может быть, это ребёнок выжил? Может быть, его тайно отдали в приют?

Она закрыла справочник и пошла к выходу. У самой двери её остановила та же пожилая библиотекарша.

— Вы нашли что-то интересное? — спросила она.

— Не совсем, — вздохнула Алина. — Скажите, а вы не знаете, где сейчас живут потомки Воронцовых?

— Никто не знает, — покачала головой женщина. — Особняк пустовал много лет, потом его признали аварийным. А наследников не осталось — или они скрываются. Но у меня есть старая фотография, если хотите. Я случайно нашла её в архиве, когда разбирала дела.

Она достала из ящика стола заламинированную чёрно-белую карточку. На ней была запечатлена молодая женщина в белом платье, с тёмными волосами, собранными в пучок, и с лёгкой, мечтательной улыбкой. В руках она держала маленький букет полевых цветов — те самые васильки, которые Алина уже видела на вышивке. Это была Анна Воронцова. Живая, красивая, полная надежд. Алина смотрела на неё и не могла поверить, что через несколько месяцев эту женщину убьют.

— Можно мне сфотографировать? — попросила она.

— Конечно.

Она сфотографировала фото и поблагодарила библиотекаршу. Выйдя на улицу, она остановилась, вглядываясь в снимок на экране телефона. И вдруг у неё замерло сердце. Она поднесла телефон ближе и присмотрелась к лицу Анны. В уголках глаз, в линии скул, в очертании губ было что-то родное, до боли знакомое. Это была не просто красивая женщина. Это была точная копия Ники. Только более взрослая, более печальная.

Алина прислонилась к стене библиотеки, пытаясь справиться с головокружением. Если Анна — родственница Ники, значит, Ника — потомок Воронцовых. Но как? Их приёмные родители никогда не говорили о происхождении. Они взяли их из детского дома, когда Алине и Нике было десять и двенадцать лет. Алина помнила, что они не были кровными сёстрами — их удочерили одновременно, из разных семей. У Ники были тёмные волосы, как у Анны, а у Алины — русые. Алина вдруг осознала, что, возможно, Ника — та самая потерянная наследница, выживший ребёнок Анны.

Но это было только предположение. Нужны доказательства.

Она отправила Нике сообщение с фотографией: «Посмотри, кто это. Приезжай домой скорее».

Ника ответила через час: «Ого. Это я? Нет, что-то похоже, но я моложе. Кто это?»

«Это Анна Воронцова. Я думаю, это твоя родственница».

Долгой паузы не было. Ника прислала голосовое сообщение, и голос её звучал растерянно:

— Алина, ты с ума сошла. Откуда у меня могут быть знатные родственники? Мы же обычные. Наши родители были учителями.

— Я тебе всё объясню вечером, — ответила Алина. — Но прошу тебя, будь осторожна. Не выходи из дома без необходимости. Иними сегодня белое платье — то, с вышивкой. Надень что-то другое на корпоратив.

— Да ты параноик, — рассмеялась Ника, но смех был нервным. — Ладно, я посмотрю. Но ты меня пугаешь.

Вечером Алина вернулась в свою маленькую квартиру, села за кухонный стол и открыла ноутбук. Она искала информацию о детских домах Зареченска, о приёмных семьях, о тайных записях. Времени было мало — особняк Воронцовых должны были снести через неделю, а там могли сохраниться документы или вещи, которые прольют свет на правду. Она решила, что завтра же отправится туда, чтобы осмотреть его до сноса. Даже если это опасно, даже если там могут быть люди, которые не хотят, чтобы правда всплыла.

Она заварила чай и уставилась в окно, за которым сгущалась тёмная августовская ночь. Внезапно в отражении стекла ей показалась фигура — та самая, в чёрном капюшоне, стоящая у неё за спиной. Алина резко обернулась — никого. Пустая комната, только свет торшера и её собственное отражение.

Но она знала теперь точно: это не игра воображения. Зеркала и стекла стали её врагами. Они показывали ей то, что должно было остаться скрытым. И она должна была противостоять этому.

Она достала блокнот, написала на первой странице: «Спаси её. Кто она?» и начала записывать всё, что знала. Дата убийства — 14 августа 2004. Место — особняк Воронцовых. Жертва — Анна, беременная. Убийца — неизвестен. Подозрение падает на семью. И надпись на зеркале, которая появилась после её прикосновения.

Она закрыла блокнот, поставила чашку в раковину и легла в кровать. Но сон не шёл. Она лежала с открытыми глазами и смотрела в тёмный потолок. И вдруг в голове что-то щёлкнуло. Надпись была сделана не просто так — она была написана тем же почерком, что и дневник Анны, который она нашла в интернете в оцифрованном архиве. Она помнила его — изящный, с наклоном влево. Алина вскочила с кровати, снова открыла ноутбук и сравнила. Да, это был тот самый почерк. Надпись на зеркале сделала сама Анна Воронцова — после своей смерти? Или перед ней? Но как она могла оставить сообщение на стекле, которое увидит Алина через двадцать лет?

Вопросов было больше, чем ответов. Но одно Алина поняла твёрдо: она должна найти убийцу и спасти Нику, если та действительно наследница. И для этого ей нужно проникнуть в особняк до сноса. Она нашла в интернете адрес и план

здания, составила маршрут. Завтра утром, до открытия музея, она отправится туда.

Она легла и наконец, провалилась в тревожный сон, где по-прежнему плескалась вода и белое платье колыхалось на ветру, и голос Анны тихо шептал: «Найди меня».

Глава 3. Особняк

Зареченск просыпался медленно, как старик, которому некуда спешить. В половине шестого утра город ещё спал, и только редкие машины проезжали по пустым улицам, оставляя за собой шлейф выхлопных газов, смешанных с утренней росой. Алина вышла из дома, когда небо только начинало сереть на востоке, и прохладный ветер с озера коснулся её лица. Она надела тёмные джинсы, футболку, кеды и захватила с собой рюкзак, в который положила фонарик, блокнот, ручку и купленный накануне в хозяйственном магазине небольшой набор отмычек — она понятия не имела, как ими пользоваться, но чувствовала, что может пригодиться.

Особняк Воронцовых стоял на Старой улице, в глубине квартала, окружённый зарослями сирени и старых тополей, которые за двадцать лет буйно разрослись, превратив двор в настоящие джунгли. Алина подошла к ограде — кованой, когда-то изящной, но теперь проржавевшей и покосившейся. Калитка была заперта на амбарный замок, но решётка в одном месте была погнута, и Алина без труда протиснулась внутрь.

Двор был завален мусором: битое стекло, ржавые банки, сломанная детская коляска, обрывки газет, пожелтевших от времени. Трава росла почти по пояс, и Алине пришлось пробираться через неё, раздвигая мокрые стебли. Особняк воз-

вышался перед ней — серый, облупившийся, с заколоченными досками окнами. Но даже в таком состоянии он внушал уважение: широкие колонны, лепнина на фронтоне, резные наличники — архитектурные изыски, которые уже никто не ценил. На дверях висела табличка «Аварийное здание. Вход воспрещён», но Алина знала, что полиция не охраняет его — особняк никому не был нужен, пока не решили строить на его месте торговый центр.

Она обошла здание вокруг, прикидывая, как проникнуть внутрь. Парадный вход был заколочен наглухо, но сбоку, там, где когда-то была дверь в кухню, доски казались более старыми и трухлявыми. Алина подошла, дёрнула одну из них — она поддалась с глухим скрипом. Ещё усилие, и доска отлетела, открывая проход в тёмное нутро дома. Алина замерла, прислушиваясь. Тишина. Только ветер шуршал в кронах тополей и где-то далеко лаяла собака. Она включила фонарик, перешагнула через порог и оказалась внутри.

Запах ударил в нос — смесь плесени, пыли, старого дерева и чего-то сладкого, приторного, как гниющие яблоки. Алина поморщилась, но двинулась дальше. Луч фонаря вырывал из темноты фрагменты былой роскоши: остатки лепнины на потолке, куски старых обоев с цветочным узором, высокие двери с бронзовыми ручками, потускневшими от времени. Пол скрипел под ногами, и каждый шаг отдавался эхом по пустым комнатам.

Она оказалась в большой гостиной. Здесь когда-то стоя-

ла мебель, висели картины, горели камины. Теперь остались только следы: тёмные прямоугольники на стенах от рам, выемки на паркете от тяжелой мебели, обломки керамики на полу. Алина провела рукой по обоям — они были влажными, и под пальцами крошилась штукатурка. Она задержалась у огромного камина, над которым сохранился кусок зеркала, вмурованного в стену. Она не решилась к нему прикоснуться — слишком свежи были воспоминания о трюмо.

Она пошла дальше, в коридор. Слева были комнаты, справа — лестница на второй этаж. Она выбрала лестницу. Ступени скрипели зловеще, некоторые были сломаны, и Алина ступала осторожно, проверяя каждую ногой. На втором этаже было больше света — в одном из окон доска отошла, и в проёме виднелось утреннее небо. Здесь стояла старая мебель: два кресла с продранной обивкой, комод с отколотым углом и шкаф, в котором висело несколько пустых вешалок. Алина заглянула в шкаф — пусто, только запах нафталина.

Она искала кабинет или спальню, где могли храниться документы. Вспомнив план здания из интернета, она сориентировалась: кабинет должен был быть в конце коридора, на северной стороне. Она дошла до двери, толкнула её, и та с протяжным стоном отворилась.

Это был большой кабинет. Книжные шкафы, пустые и поломанные, стояли вдоль стен. Массивный письменный стол из чёрного дерева был покрыт толстым слоем пыли. Алина подошла к столу, провела по нему рукой, оставляя дорожку

на серой поверхности. На столе лежали несколько предметов: чернильница, перьевая ручка, старая лампа с зелёным абажуром и стопка писем. Алина взяла верхнее письмо, но от времени бумага рассыпалась в пальцах — только клочья.

Она открыла ящики стола. В первом была пустота, во втором — старые счёты, в третьем — папка с пожелтевшими документами. Алина осторожно вытащила папку, раскрыла её. Это были документы о собственности, договора, квитанции. Среди них она нашла фотографию: Анна Воронцова стояла рядом с пожилым мужчиной с суровым лицом и женщиной с высокомерным взглядом. Алина узнала их по справочнику — Павел Воронцов, его жена, и невестка Анна. Они выглядели как типичная богатая семья: надменные, закрытые, с холодной улыбкой.

Под фотографией лежал сложенный вчетверо листок бумаги — тонкий, почти прозрачный, исписанный мелким почерком. Алина развернула его. Это было письмо Анны, адресованное подруге. Она пробежала глазами по строчкам:

«Люда, я не знаю, что делать. Они не хотят, чтобы я сохраняла ребёнка. Свекровь сказала, что это позор — родить после смерти Дмитрия. Но я не могу, это же его дитя. Павел Сергеевич молчит, но я вижу, как он на меня смотрит. Сегодня я слышала, как он говорил кому-то по телефону, что я должна „исчезнуть“. Я боюсь, Люда. Очень боюсь. Зеркало в моей спальне показало мне сегодня страшную вещь. Я видела себя мёртвой. Я не знаю, что делать. Если со мной

что-то случится, позаботься о моём ребёнке. Он не должен попасть к ним».

Алина перечитала это три раза. Сердце билось где-то в горле. Зеркало показало Анне её смерть — так же, как показало Алине. Значит, Анна тоже обладала этим даром? Или зеркало само передавало видения? Она снова взглянула на письмо. «Позаботься о моём ребёнке» — значит, ребёнок родился? Или Анна планировала, что он родится? Но в заметке было сказано, что она была убита на седьмом месяце. Неужели ребёнка спасли?

Она сложила письмо и спрятала в рюкзак. В ящике лежала ещё одна фотография — младенца, спелёнутого в белую пелёнку, с маленьким крестиком на шее. На обороте было написано: «Михаил, 14 августа 2004». Алина замерла. 14 августа — день убийства Анны. Значит, ребёнок родился? Или это был другой младенец?

Она не успела додумать эту мысль, потому что снизу, с первого этажа, донёлся звук — скрип половицы, а затем шаги. Тяжёлые, уверенные шаги. Алина застыла. Сердце пропустило удар. Она быстро выключила фонарик, прижалась спиной к книжному шкафу и затаила дыхание. Шаги приближались, ступали по лестнице. Кто-то поднимался на второй этаж.

Алина лихорадочно огляделась. В кабинете не было места, где можно было бы спрятаться — только пустые шкафы да стол. Она юркнула за массивную штору, которая висела

на окне, скрываясь в складках пыльной ткани. Она слышала, как шаги остановились у двери кабинета. Скрипнула дверная петля. Кто-то вошёл.

Она рискнула приоткрыть штору и увидела мужчину. Высокий, плотный, в чёрной кожаной куртке, несмотря на жару. Лица не было видно — он стоял спиной, рассматривая комнату. Он прошёл к столу, осмотрел его, затем открыл ящик, где лежала папка, которую Алина только что брала. Он явно что-то искал. На мгновение мужчина задержался, потом резко повернулся и посмотрел прямо на штору. Алина вжалась в стену, молясь, чтобы он не заметил её.

Мужчина шагнул ближе. Алина видела его лицо теперь — суровое, с глубокими морщинами, колючий взгляд. Он выглядел лет на пятьдесят. Он остановился у шторы, замер. Прошла секунда, другая. Затем он резко отдернул ткань.

Они встретились взглядами. Алина вскрикнула, отскочила в сторону, пытаясь добежать до двери, но он схватил её за руку — железной хваткой, не выпуская.

— Ты кто такая? — голос его был низким, с угрозой. — Что ты здесь делаешь?

— Отпустите меня! — крикнула Алина, вырываясь. Но он держал крепко. — Я ничего не трогала!

— Врёшь, — он ткнул пальцем в стол, где ящик был открыт. — Ты уже рылась здесь. Что взяла?

— Ничего, — Алина попыталась вырваться, но он был сильнее. — Я просто зашла посмотреть... Я реставратор из

музея, мне нужно оценить состояние здания.

Он усмехнулся. — Лжёшь, как дышишь. Ты пришла за письмами, да? За фотографиями? Я знаю, что здесь есть, что ищут люди. Но тебе они не нужны.

Он разжал хватку — внезапно, и Алина чуть не упала. Он отошёл на шаг, внимательно рассматривая её.

— Ты не из полиции, — сказал он. — И не из прессы. Ты похожа на ту, которая приходила в библиотеку. Я видел тебя вчера.

Алина онемела. Он следил за ней? Откуда он её знает?

— Кто вы? — спросила она сдавленно. — Зачем вы здесь?

— Я тот, кто охраняет тайны этого дома, — ответил он. — Меня зовут Николай, я служил у Воронцовых. И я не позволю какой-то девчонке копать в прошлом, которое должно остаться мёртвым.

— Это ваша семья? — спросила Алина, пытаясь понять, кто перед ней.

— Нет, — ответил он. — Но я был с ними в тот день, когда всё случилось. И я видел то, чего не видел никто. Ты не хочешь знать правду, поверь мне. Она уничтожит тебя, как уничтожила всех нас.

Алина почувствовала, что он не врёт. В его глазах была боль — старая, глубокая, застарелая. Он действительно знал что-то важное.

— Николай, — сказала она тихо, — я не хочу вредить. Я просто хочу понять, что произошло. И почему зеркало в

музее показывает мне видения. Оно привело меня сюда.

Он побледнел. — Зеркало? Ты видела его? Ты прикасалась к нему?

— Да, — призналась Алина. — Оно показало мне смерть Анны. И надпись: «Спаси её».

Николай закрыл глаза и отшатнулся. — Боже, — прошептал он, — оно выбрало тебя. Оно выбрало новую хранительницу.

Он повернулся к двери и сделал знак Алине следовать за ним.

— Идём, — сказал он. — Я покажу тебе, что должен был показать много лет назад. Но сначала обещай: ты не расскажешь никому о том, что увидишь.

Алина кивнула, хотя сердце её бешено колотилось. Она чувствовала, что стоит на пороге чего-то важного — и смертельно опасного. Но отступить было уже поздно. Она пошла за Николаем в глубь дома, туда, где темнота казалась ещё более густой, а воздух — ледяным, несмотря на августовскую жару. И где её ждала правда, которая могла изменить всё.

Глава 4. Тайна подвала

Николай шёл быстро, почти бесшумно, несмотря на свои массивные габариты. Алина едва поспевала за ним, то и дело спотыкаясь о торчащие из пола доски. Луч фонарика, который она снова включила, выхватывал из темноты то облупившуюся стену, то сломанную балюстраду, то чей-то портрет в тяжёлой раме, навеки застывший в пыли и забвении. Воздух становился всё холоднее, и Алина поёжилась, хотя на улице уже начинался жаркий день.

Они спустились по чёрной лестнице — узкой, винтовой, ведущей в подвал. Ступени были каменными, и на них лежала вековая сырость. Николай достал из кармана куртки ключ, отпер массивную железную дверь, и Алина услышала, как засов со скрежетом отодвинулся. Дверь открылась, и оттуда пахнуло холодом, землёй и чем-то металлическим, как кровь.

— Здесь, — сказал Николай, кивая в темноту. — Заходи.

Алина hesitated всего мгновение, но любопытство взяло верх. Она шагнула в подвал. Помещение было небольшим, с низким сводчатым потолком, стены сложены из грубого камня. В центре стоял старый деревянный стол, на котором горела керосиновая лампа — единственный источник света. В углу виднелись полки с какими-то коробками и папками. На стене висела чёрно-белая фотография в рамке — та же Анна

Воронцова, но в профиль, с лёгкой улыбкой.

Николай закрыл дверь с той стороны, задвинул засов и повернулся к Алине. Его лицо в тусклом свете лампы казалось вырезанным из дерева — жёсткое, измождённое, с глубокими тенями под глазами.

— Садись, — сказал он, указывая на табурет у стола.

Алина села, не сводя с него глаз. Он сел напротив, положил руки на стол — большие, жилистые руки с натруженными пальцами. Несколько мгновений молчал, глядя в сторону, словно собираясь с духом.

— Я родился в этом доме, — начал он глухо. — Мой отец был кучером у Егора Воронцова, основателя династии. Потом мой брат стал шофёром, я — дворецким. Мы служили Воронцовым три поколения. И когда я говорю, что знаю каждый уголок этого дома, я не преувеличиваю. Я знаю, где скрипит каждая половица и о чём шепчутся ночью стены.

Алина молча слушала, чувствуя, как холод от каменного пола поднимается по ногам.

— Анну я любил, — сказал Николай, и голос его дрогнул. — Не как хозяйина, нет. Как... как дочь, которую у меня никогда не было. Я видел, как она мучилась в этой семье. Све-кровь её ненавидела, потому что Анна была не из их круга — обычная учительница из приюта, которая вышла замуж за Дмитрия по большой любви. Они думали, что она охотится за деньгами. Но она любила его, я это знал.

— Что случилось с Дмитрием? — спросила Алина.

— Автомобильная авария, — ответил Николай. — За год до смерти Анны. Воронцовы так и не нашли виновных, но я знал, что это не случайность. Слишком много людей хотели, чтобы Дмитрий не дожил до того, как родится его наследник. Тогда бы всё состояние перешло к Анне и её ребёнку, минуя старшего брата Павла и его жену. Но Дмитрий погиб, и Анна осталась одна с ребёнком в утробе.

Он замолчал, и Алина видела, как его пальцы сжались в кулаки.

— А потом она начала видеть, — продолжил Николай тише. — Она говорила мне, что зеркало в её спальне показывает ей будущее. Сначала я не верил — думал, что нервное, беременность, гормоны. Но она приносила мне записки с датами, событиями, которые потом случались. Я видел, как она боится. Она знала, что они хотят её убить.

— Свекровь? — переспросила Алина.

— Не только. Павел Сергеевич, его жена, а может быть, и его старший брат, который жил в Москве. Все они хотели, чтобы Анна исчезла. Но у них не хватало смелости сделать это самим. Поэтому они наняли человека.

Николай встал, подошёл к полке и снял с неё старую папку, перевязанную бечёвкой. Он положил её на стол, развязал и достал несколько фотографий.

— Я собрал это за двадцать лет, — сказал он. — Свидетельства, показания, копии документов. Всё, что мог найти.

Алина взяла фотографии. На одной из них был мужчи-

на лет сорока, с невыразительным лицом, одетый в чёрное пальто. На другой — тот же мужчина с ружьём в руках. На третьей — группа людей, стоящих у особняка, и среди них тот же мужчина, стоящий в тени.

— Это Аркадий Громов, — сказал Николай. — Профессиональный киллер, работал на московскую братву. Его нанял Павел Воронцов за сто тысяч долларов. Он должен был инсценировать ограбление, но перестарался — зарезал Анну слишком жестоко. После этого он исчез, и никто его не нашёл.

— Почему вы не пошли в полицию? — спросила Алина.

Николай горько усмехнулся. — А ты думаешь, полиция стала бы слушать старого слугу, который рассказывает про заговоры и зеркала? У Воронцовых были деньги, связи. Они замолчали дело за три дня. А меня выгнали из дома и пригрозили, что убьют, если я пикну. Я молчал двадцать лет. Только после того, как особняк решили снести, я начал собирать доказательства.

Он достал из папки ещё один документ — свидетельство о рождении.

— Вот, — сказал он, подавая Алине. — Ребёнок Анны выжил. Он родился за несколько часов до её смерти, в ночь на четырнадцатое августа. Я сам принимал роды. Ей помогал местный врач, который приехал по вызову в два часа ночи. Мальчик был здоровый, полный, с тёмными волосами. Анна успела дать ему имя — Михаил. Она прошептала мне: «Ни-

колай, спрячь его. Они убьют его, если найдут». И я спрятал.

Алина взгляделась в свидетельство. Дата рождения — 14 августа 2004 года. Имя — Михаил Воронцов. Мать — Анна Воронцова. Отец — Дмитрий Воронцов (погибший). Но в графе «место рождения» стояло не Зареченск, а название соседнего райцентра — Сергиев Посад.

— Я отвёз его в Сергиев Посад в тот же день, — сказал Николай. — Договорился с одной женщиной, медсестрой в родильном доме. Она взяла его на воспитание. А я сказал Воронцовым, что ребёнок родился мёртвым. Они поверили, потому что Анна была уже мертва, и никто не стал проверять. Через год женщина уехала из Сергиева Посада, и я потерял след Михаила. Я не знаю, где он сейчас. Жив ли он вообще.

— Но он должен быть взрослым, — прошептала Алина. — Ему двадцать два года.

— Да, — кивнул Николай. — И он наследник всего состояния Воронцовых. Но он не знает, кто он. Никто не знает.

Алина сидела, переваривая услышанное. Ника — потомок Анны? Или Михаил? Она вспомнила фотографию Анны, которая была так похожа на её сестру. Если Ника — это дочь Анны, то почему она девочка, а не мальчик? Но в свидетельстве было написано «Михаил». Значит, у Анны был сын. Тогда Ника не может быть её дочерью. Или может?

— Николай, — спросила она, — у Анны были другие дети?

— Нет, — покачал головой тот. — Только Михаил.

— Тогда почему моя сестра так похожа на Анну?

Николай с удивлением посмотрел на неё.

— Твоя сестра? — переспросил он.

— Ника. Ей двадцать пять. Мы удочерены, мы не кровные сёстры. Но она выглядит как копия Анны.

Николай нахмурился, затем подошёл к одной из полок, достал старую фотографию в рамке и протянул Алине. На ней была Анна и молодая женщина, очень похожая на Анну, но с более светлыми волосами.

— Это её сестра, — сказал Николай. — Екатерина. Младшая сестра Анны, которая тоже жила в этом доме некоторое время. Она умерла через год после Анны — несчастный случай, упала с лестницы. Но если твоя сестра похожа на Анну, возможно, она её дочь? Или дочь Екатерины?

Алина почувствовала, что запутывается. Слишком много версий, слишком много совпадений.

— Николай, — сказала она твёрдо, — я должна найти Михаила. Или того, кто выжил. Может быть, это спасёт жизнь моей сестре.

Николай покачал головой.

— Я искал его двадцать лет, — сказал он. — Я ездил в Сергиев Посад, расспрашивал людей, но та женщина, медсестра, умерла пять лет назад. Она не оставила никаких записей. Михаил исчез, как вода.

— Но вы не сдались, — сказала Алина. — Значит, где-то

есть ниточка.

Николай посмотрел на неё, и в его глазах мелькнула надежда.

— Я нашёл одну вещь, — сказал он. — В день убийства Анна дала мне конверт с письмом и велела отдать его Михаилу, когда он вырастет. Я не знаю, что в этом письме. Но я сохранил его. Я хотел отдать его лично, если найду мальчика. Но теперь, когда особняк снесут, я не знаю, куда его спрятать.

Он подошёл к шкафу, нажал на одну из досок, и она открылась, как потайная дверца. За ней лежал старый, пожелтевший конверт, запечатанный сургучной печатью. На конверте было написано: «Моему сыну Михаилу». Почерк был тем же, что и на надписи в зеркале.

Алина взяла конверт в руки. Он был тяжёлым, плотным, и от него шло тепло — или ей показалось? Она не решилась его вскрыть.

— Мне нужно показать это сестре, — сказала она. — Но сначала я хочу найти человека, который знает, что случилось с детьми Воронцовых. Вы знаете кого-то ещё, кто был свидетелем?

Николай медленно кивнул.

— Есть один человек, — сказал он. — Полицейский, который вёл дело Анны. Его зовут Сергей Васильевич Макаров. Он был капитаном, потом вышел на пенсию. Он живёт теперь в посёлке под Зареченском, в Боровом. Он знает прав-

ду, но он боится говорить. Может быть, ты сможешь его убедить.

Алина записала адрес в блокнот. Она чувствовала, что время уходит — особняк снесут через неделю, и все следы могут исчезнуть навсегда.

— Спасибо, Николай, — сказала она. — Я найду его. Я найду правду.

— Будь осторожна, — предупредил он. — Те, кто убил Анну, всё ещё живы. Павел Воронцов умер год назад, но его жена жива, и их старший брат в Москве, который сейчас руководит всем бизнесом. Они не остановятся ни перед чем, чтобы скрыть правду. Если они узнают, что ты ищешь, они могут попытаться остановить тебя.

Алина почувствовала холод, ползущий по спине.

— Я не боюсь, — сказала она, но голос дрогнул.

Николай улыбнулся — впервые за весь разговор.

— Ты смелая, — сказал он. — Как Анна.

Он проводил её до выхода из подвала, помог пролезть через дыру в досках, и они вышли во двор. Солнце уже стояло высоко, и тёплый свет казался чужим после подвальной темноты.

— Я позвоню тебе, если найду что-то ещё, — пообещал Николай. — И ты звони, если нужна будет помощь. Только никому не говори, где мы встретились. Этот дом должен быть забыт.

Алина кивнула, пожалуй, впервые почувствовав, что у неё

появился союзник.

Она вышла за ворота и пошла по пустынной Старой улице, сжимая в руках конверт с письмом Анны. Солнце припекало, но внутри неё было холодно — холод от подвала и от правды, которая открылась ей. Она знала теперь, что Ника может быть в смертельной опасности. Она знала, что убийца Анны никогда не был наказан. И она знала, что должна найти Михаила — или того, кто выжил, — прежде чем это сделают Воронцовы.

Она остановилась на автобусной остановке и достала телефон. Написала Нике: «Сегодня вечером я тебе всё расскажу. Встретимся у меня дома. Никому не говори, что ты знаешь меня. Осторожно».

Отправила сообщение и задумалась. Она не знала, сможет ли защитить сестру, если её найдут. Но она знала одно: она не отступит.

Автобус подошёл, и Алина села, положив рюкзак на колени. Конверт лежал внутри, и она чувствовала его тяжесть, как будто это было не просто письмо, а сама судьба, которую ей предстояло разгадать. Она смотрела в окно на проплывающие дома и думала о том, что, возможно, её собственное прошлое связано с этой семьей. Может быть, она не случайно работает в музее. Может быть, она не случайно прикоснулась к тому зеркалу. Может быть, судьба выбрала её, чтобы исправить ошибку двадцатилетней давности.

Вечером, когда она сидела на кухне и ждала Нику, она

вскрыла конверт. Внутри лежало письмо, написанное рукой Анны, датированное 13 августа 2004 года. Алина начала читать, и каждая строчка отдавалась болью в сердце. Анна писала о своей любви к сыну, о своей мечте, чтобы он вырос счастливым, и о своей уверенности, что её убьют. Она просила прощения, что не сможет быть с ним рядом. И заканчивалось письмо словами: «Зеркало покажет тебе правду, если ты будешь готов её увидеть. Не бойся. Любовь сильнее смерти».

Алина вытерла слёзы и спрятала письмо обратно в конверт. Она поняла, что зеркало не просто показывало смерть — оно показывало путь к спасению. И она пойдёт по этому пути, чего бы это ни стоило.

Глава 5. Свидетель

Утро встретило Алину серым, промозглым светом, который пробивался сквозь занавески и ложился на стол полосами, похожими на тюремную решётку. Она почти не спала — письмо Анны лежало на тумбочке, и каждую ночь она просыпалась от ощущения, что в комнате кто-то есть. Но это был только ветер, гуляющий по старому дому, и её собственное воображение, разогретое страхом.

Она поднялась, налила себе крепкого кофе и посмотрела на телефон. Семь утра, Ника ещё не отвечала на сообщения, отправленные вчера. Алина набрала её номер — гудки шли, но никто не брал трубку. Она нахмурилась, отправила ещё одно сообщение: «Перезвони, когда проснёшься. Важно». Затем оставила телефон на столе и пошла умываться, пытаясь прогнать тревогу.

В восьмом часу она уже стояла на автобусной остановке, ожидая рейсовый автобус до Борового. Посёлок находился в тридцати километрах от Зареченска, в стороне от основных дорог, среди сосновых лесов и болот. Алина купила билет, забралась в старый жёлтый ПАЗ и устроилась у окна. Автобус медленно покачивался на ухабах, и за окном проносились дачные участки, потом лес, потом поля. Она смотрела на всё это рассеянным взглядом, думая о предстоящем разговоре с Макаровым.

Она взяла с собой копии документов, которые дал Николай: фотографию Анны и её сестры Екатерины, свидетельство о рождении Михаила и свои заметки. В рюкзаке лежал конверт с письмом, но она пока не решалась показывать его кому-либо, кроме Ники.

В Боровом автобус остановился у ветхого деревянного здания, которое когда-то было сельским клубом, а теперь служило автокассой. Алина вышла и огляделась. Посёлок был тихим, почти безлюдным — несколько одноэтажных домов с палисадниками, церковь с облупившимся куполом и вывеска «Магазин» на покосившейся двери. Она спросила у местной женщины, где живёт бывший полицейский Макаров. Та указала на дом в конце улицы — серый, с высоким забором и густой сиренью.

Алина подошла к калитке, толкнула её, и та открылась с визгом. Дорожка вела к крыльцу, вдоль неё росли кусты смородины и малины, уже осыпавшиеся. Она постучала в дверь. Никто не ответил. Постучала ещё раз — громче. Понеслись шаркающие шаги, и дверь приоткрылась, явив лицо старого мужчины с редкими седыми волосами и глубокими морщинами на щеках. Глаза его были выцветшими, серыми, но цепкими — тот самый взгляд, который остаётся у людей, привыкших видеть ложь.

— Кого надо? — спросил он хрипло.

— Сергей Васильевич Макаров? — спросила Алина. — Меня зовут Алина Соболева. Я реставратор из краеведче-

ского музея. Мне нужно поговорить с вами об убийстве Анны Воронцовой.

Он помолчал, прищурился, а затем дверь открылась шире.

— Заходи, — сказал он коротко и повернулся, приглашая войти.

Алина переступила порог. В доме пахло сухими травами, старыми книгами и лекарствами. В гостиной было полутемно, шторы затянуты, только на столе горела настольная лампа. Макаров сел в кресло-качалку и указал ей на стул напротив.

— Садись. Рассказывай.

Алина села, положила на стол папку с документами и начала говорить. Она рассказала всё — о трюмо, о видении, о встрече с Николаем, о письме Анны. Макаров слушал молча, лишь иногда кивая. Когда она закончила, он вздохнул и откинулся на спинку кресла.

— Значит, Николай всё-таки решился заговорить, — сказал он тихо. — Я думал, он унесёт эту тайну в могилу.

— Вы знали его?

— Знал. Он был хорошим человеком, преданным Анне. Я вёл то дело, но мне завязали глаза и руки. Мне приказали закрыть его, иначе меня уволят, а мою семью... ну, ты понимаешь.

Он покачал головой, поморщился, словно вспоминая что-то горькое.

— Я видел Анну в морге. Она была молодая, красивая, беременная. У неё на лице застыло выражение ужаса — она знала, что её убьют. Я не мог забыть это лицо двадцать лет.

— Вы знаете, кто это сделал? — спросила Алина.

Макаров посмотрел на неё в упор.

— Павел Воронцов нанял киллера. Я нашёл этому подтверждение, но когда я принёс доказательства начальству, мне сказали: «Забудь, Макаров, или пенсии не видать». Я забыл, но доказательства сохранил. — Он встал, подошёл к старому письменному столу, стоявшему в углу, и выдвинул ящик. — Вот.

Он вытащил тонкую папку, пожелтевшую, с завязками, и протянул Алине. Она открыла её. Внутри лежали копии банковских переводов со счёта Павла Воронцова на имя человека по фамилии Громов, Аркадий. Были распечатки телефонных звонков, сделанных за два дня до убийства, и свидетельские показания одного охранника, который видел, как в ночь убийства Громов выходил из особняка с окровавленными руками.

— Почему вы не опубликовали это? — спросила Алина.

— Потому что Громов исчез, — ответил Макаров. — Через месяц после убийства его нашли мёртвым в московской гостинице — самоубийство, якобы. Но я знаю, что его убили, чтобы замести следы. Заказчик остался чистым.

Он сел обратно в кресло и посмотрел на Алину с болью.

— Ты сейчас идёшь по очень опасному пути, девочка. Во-

ронцовы не прощают тех, кто лезет в их дела. У Павла есть старший брат, Андрей, который в Москве. Он — очень влиятельный человек, у него деньги, власть, связи. Если он узнает, что кто-то копается в прошлом, тебя сотрут в порошок.

— Но почему тогда вы согласились со мной говорить? — спросила Алина.

Макаров улыбнулся — грустно и устало.

— Потому что я старый, и мне терять нечего. А у тебя есть шанс сделать то, что я не смог. Найти Михаила, вернуть его в семью, раскрыть правду. Анна заслужила справедливость.

Он на минуту замолчал, затем добавил:

— У меня есть ещё кое-что для тебя. У Анны была сестра Екатерина. После смерти Анны Екатерина жила в этом доме, но через год упала с лестницы. Я думаю, это было не случайно. Она что-то знала. И её дочь тоже может знать.

— Дочь?

— Да, у Екатерины была дочь, девочка, которую она оставила в приюте в Сергиевом Посаде. Это было через несколько месяцев после её смерти. Я нашёл документы — они лежат в местном архиве, в детском доме. Если ты хочешь узнать правду о наследниках, тебе нужно поехать туда.

Алина записала всё в блокнот. Она чувствовала, что ещё один кусочек мозаики встал на место. Ника могла быть дочерью Екатерины — именно поэтому она так похожа на Анну и на её сестру.

— Я поеду сегодня же, — сказала она.

— Подожди, — остановил её Макаров. — Там могут быть люди, которые не хотят, чтобы ты нашла эти документы. Когда я был в архиве в прошлом году, я заметил, что кто-то перебирал бумаги до меня. Будь осторожна.

Алина кивнула, поблагодарила Макарова и уже поднялась, когда он сказал:

— И ещё, Алина. Береги сестру. Она — единственная зацепка, которая у тебя есть.

Она вышла из дома, и солнце снова ослепило её. На душе было тяжело, но впервые за несколько дней она чувствовала, что движется в правильном направлении. Она села на автобус до города и, глядя в окно, набрала номер Ники. На этот раз сестра ответила.

— Алён, прости, я не слышала звонка, — голос Ники звучал виновато. — Что случилось? Ты вчера написала, что тебе страшно.

— Ника, слушай меня внимательно, — сказала Алина. — Тебе нужно быть очень осторожной. Кто-то может приходить в твой отель и расспрашивать о нашей семье. Если увидишь подозрительных людей, не разговаривай с ними, сразу звони в полицию и мне.

— Алина, ты пугаешь меня, — растерянно сказала Ника. — Что происходит?

— Я тебе всё объясню, когда вернусь. Сегодня вечером. Приходи ко мне, я покажу тебе кое-что. И, Ника... — голос Алины дрогнул. — Никому не говори, где ты. И не надевай

белое платье.

Повисла тишина, потом Ника тихо спросила:

— Это связано с той женщиной, которую ты видела? С Анной?

— Да. И я думаю, это связано с тобой.

Ника долго молчала, затем проговорила:

— Я буду ждать тебя. Только, ради бога, приходи быстрее.

Алина отключила звонок и посмотрела на дорогу. Лес закончился, и впереди показался Зареченск, утопающий в зелени и солнечном свете. Она думала о том, что ей нужно успеть в архив детского дома в Сергиевом Посаде, но не сегодня — уже слишком поздно. Завтра с утра. А сегодня — встреча с сестрой и разговор, который может всё изменить.

Она вышла из автобуса на окраине города и уже собиралась идти к дому, как вдруг заметила у остановки чёрную машину с тонированными стёклами. Машина стояла с работающим двигателем, но никто не выходил. Алина замерла на мгновение, потом быстро пошла в противоположную сторону, сворачивая в переулки, петляя между домами. Ей казалось, что она видит в зеркалах витрин отражение той же машины, которая медленно следует за ней. Она ускорила шаг, почти побежала, нырнула в подъезд старого дома и затаилась, прижавшись спиной к холодной стене. Сердце колотилось как бешеное. Через минуту она выглянула — машины не было. Или она притаилась за углом. Алина перевела дух и вышла из подъезда, стараясь идти по людным улицам. Она

чувствовала себя загнанным зверем, но знала, что не может останавливаться.

Вечером она ждала Нику в своей квартире. За окнами темнело, и город погружался в сумерки. Она зажгла все лампы, чтобы не сидеть в темноте, и нервно перебирала бумаги, разложенные на столе. В восемь часов раздался звонок в дверь. Алина распахнула её и увидела Нику — бледную, с заплаканными глазами. Она вбежала в квартиру и крепко обняла сестру.

— Алина, мне страшно, — прошептала она. — Сегодня днём в отель приходил мужчина, спрашивал про меня. Назвался журналистом, но я не поверила. Он был какой-то странный, холодный, и задавал вопросы о нашей семье, о том, откуда мы родом. Я сказала, что не знаю, и он ушёл. А потом я нашла записку под дверью моего номера: «Не копайся в прошлом, если хочешь жить».

Алина обняла сестру и почувствовала, как та дрожит.

— Теперь мы вместе, — сказала она твёрдо. — Я тебя не брошу. И мы обязательно разберёмся, кто это всё устроил. Но нам нужно быть умнее их. Мы начнём завтра с утра. А пока — садись, я расскажу тебе всё, что узнала.

Она начала говорить, и её голос звучал ровно и спокойно, хотя внутри всё дрожало. Она рассказала о Николае, о Макарове, о письме, о свидетельстве о рождении Михаила и о том, что Ника может быть дочерью Екатерины, сестры Анны. Ника слушала, широко раскрыв глаза, и её руки сжимались

в кулаки.

— Мы найдём правду, — сказала Алина. — Чего бы это ни стоило. И мы докажем, что Воронцовы не ушли от ответственности.

Она протянула Нике письмо Анны, и та прочитала его с дрожью в голосе. За окном завывал ветер, и в его шуме Алине почудились шаги, приближающиеся к двери. Она замерла, прислушалась, но было тихо. Она подошла к двери, проверила замок — закрыто. Но в голове билась одна мысль: кто-то следит за ними. И время на исходе.

Глава 6. Сергиев Посад

Они выехали на рассвете, когда город ещё спал, и только редкие фонари разгоняли серую предутреннюю мглу. Алина взяла машину у своей коллеги — старенький, но надёжный «Фольксваген», который та оставила на стоянке музея с запасным ключом. Ника сидела на пассажирском сиденье, сжимая в руках дорожную сумку и поглядывая в зеркало заднего вида с таким выражением, будто ожидала, что из темноты вот-вот вынырнет чёрная машина.

— Ты уверена, что нам нужно ехать именно сегодня? — спросила она, когда они выехали за городскую черту. — Может быть, стоило подождать, предупредить полицию?

— Полиция не станет слушать двух ненормальных, которые говорят о зеркалах и двадцатилетних убийствах, — ответила Алина, крепче сжимая руль. — У нас есть только мы. И время, которого почти не осталось.

Дорога до Сергиева Посада заняла около двух часов. Они ехали по трассе, петляющей среди холмов и перелесков. Солнце поднялось, и утренний туман рассеялся, обнажив бескрайние поля, кое-где уже тронутые осенней желтизной. Алина старалась не смотреть в зеркало, но краем глаза то и дело ловила отражения других машин. Ни одна не казалась подозрительной, но тревога не отпускала.

— Расскажи мне ещё раз про свою маму, — попросила

Алина, чтобы отвлечься. — Приёмную маму. Что ты помнишь о ней?

Ника задумалась, глядя в окно.

— Мама Тамара... она была учительницей начальных классов. Добрая, но строгая. Она никогда не рассказывала, как мы попали к ней. Говорила, что мы просто нуждались в семье, а она — в нас. Папа Игорь работал на заводе, они жили скромно, но любили нас. Я не помню никого до них. Помню только, что в детском доме я была очень замкнутой, всё время молчала. А ты, наоборот, была бойкая, защищала меня.

— А ты знаешь, почему тебя отдали в детский дом? — спросила Алина.

— Говорили, что мать умерла, когда мне было два года, а отца не было. Никаких родственников. — Ника пожалала плечами. — Я никогда не хотела копаться в прошлом. Мне казалось, что это ни к чему.

— А теперь?

Ника вздохнула и посмотрела на сестру:

— Теперь мне кажется, что я не знаю о себе ничего. И боюсь, что то, что мы узнаем, изменит всё.

Они замолчали, и дальше ехали в тишине, лишь изредка перебрасываясь короткими фразами.

Город Сергиев Посад встретил их тишиной и куполами монастырей, видневшимися на горизонте. Это был старый, ухоженный город, с широкими улицами и домами в стиле

классицизма. Алина заранее нашла на карте адрес городского архива, где хранились документы детских домов, и они направились прямо туда.

Архив размещался в двухэтажном здании из красного кирпича, обнесённом чугунной оградой. Внутри пахло бумагой, пылью и старым деревом. За стойкой сидела суховатая женщина с пронзительным взглядом, которая окинула посетительниц подозрительным взглядом.

— Здравствуйте, — сказала Алина, стараясь говорить уверенно. — Мы ищем информацию о детском доме, который существовал здесь в начале двухтысячных. Нам нужны записи о детях, переданных на усыновление, конкретно о девочке, которую звали Екатерина... фамилия, возможно, Воронцова.

Женщина прищурилась.

— А вы кто ей будете?

— Мы её родственницы, — ответила Ника. — Ищем свою историю.

Женщина несколько мгновений колебалась, затем кивнула и указала на стул.

— Подождите здесь. Я посмотрю, что есть.

Она ушла в дальнюю комнату, и Алина с Никой остались сидеть в тесном приёмном зале, где единственным украшением был портрет какого-то старого чиновника. Через десять минут женщина вернулась с тонкой папкой.

— У нас нет записей о Воронцовой, — сказала она. —

Но есть запись о девочке по имени Екатерина Иванова, 2002 года рождения. Её привезли к нам в 2005 году, в возрасте трёх лет. Отдали в приёмную семью через год. Вот выписка.

Алина взяла документ. В графе «Родители» было пусто. В графе «Примечания» стояла короткая запись: «Мать скончалась, отец неизвестен. Социальный сирота». Но внизу, мелким почерком, было приписано: «Направлена в семью Соболевых, г. Зареченск».

У Алины перехватило дыхание. Она подняла глаза на Нику, и та, взглянув на неё, побледнела.

— Это я, — прошептала Ника. — Моя фамилия была Иванова. А приёмные родители Соболевы — это мама Тамара и папа Игорь. Но они же взяли нас обеих, меня и тебя. Как же так?

— В записи сказано, что на момент поступления тебе было три года, — сказала Алина. — Но Екатерина умерла в 2005, значит, ты могла родиться, когда Екатерина была ещё жива. Она отдала тебя в детский дом перед смертью.

Женщина, стоявшая за стойкой, нахмурилась.

— У вас есть документы, подтверждающие, что вы имеете право на эту информацию?

— У нас есть удостоверения, — сказала Ника, показывая паспорт. — Я та самая Екатерина Иванова, которая была в этом детском доме. Мне нужно знать, кто моя биологическая мать.

Женщина с сомнением посмотрела на неё, затем кивнула.

— Я могу поднять полное дело, если вы заполните заявление. Но это займёт время.

— Мы подождём, — сказала Алина.

Они сидели в коридоре на жёстких деревянных скамьях, ожидая, пока женщина возилась с бумагами. Прошло около получаса. Наконец она вышла с пухлой папкой и протянула её Нике.

— Это всё, что есть. Записи врачей, социальных работников, отчёты.

Ника раскрыла папку дрожащими руками. Среди бумаг нашлась фотография — маленькая девочка в платьице, с косичками, смотрит в объектив серьёзными глазами. Ника узнала себя, но в деталях лица угадывалось сходство с фотографией Анны, которую Алина привезла из библиотеки.

— Мне нужно что-то, что доказывает, что моя мать — Екатерина Воронцова, — сказала Ника.

Женщина покачала головой.

— У нас нет записи о фамилии Воронцова. Только Иванова. Но я могу проверить, есть ли в базе данных информация о биологической матери. Если она была зарегистрирована как Воронцова, это должно быть указано.

Она ушла снова, и снова потянулись минуты ожидания. Алина взяла Нику за руку и сжала её.

— Всё будет хорошо, — сказала она. — Мы найдём правду.

Через некоторое время женщина вернулась, и лицо её бы-

ло растерянным.

— Странно, — сказала она. — В базе данных есть пометка, что биологическая мать — Екатерина Воронцова, но запись была изменена пять лет назад. Кто-то заменил фамилию на Иванову и удалил все упоминания о Воронцовых. Я не знаю, кто это сделал, но это явно было сделано с целью скрыть информацию.

Алина и Ника переглянулись. Воронцовы не просто скрывали убийство — они уничтожали следы.

— Можно нам скопировать эти документы? — спросила Алина.

— Только если вы предоставите официальный запрос, — сухо ответила женщина. — Но вы можете сфотографировать на телефон.

Алина быстро сфотографировала все страницы, которые могла, особенно ту, где было указано, что мать — Воронцова. На выходе она остановилась и спросила:

— Скажите, а были ли ещё дети, переданные из той же семьи? Может быть, мальчик, Михаил?

Женщина задумалась, перебирая бумаги.

— Да, — ответила она через минуту. — Был мальчик, Михаил, 2004 года рождения. Его тоже привезли в тот же год, но отдали в другую семью, в Москву. Запись о нём такая же скудная, и тоже была изменена. Но у нас осталась копия старого реестра, я могу вам дать выписку.

Она вернулась с бумагой, на которой значилось: «Миха-

ил Воронцов, р. 14.08.2004, передан в семью Свиридовых, г. Москва». Больше никаких данных.

Алина сфотографировала и эту запись.

— Спасибо, — сказала она искренне. — Вы нам очень помогли.

Они вышли из архива на солнечную площадь и остановились, переводя дух.

— Михаил в Москве, — прошептала Ника. — Надо найти его. Если он жив, он всё ещё может быть там.

Алина кивнула, но вдруг насторожилась. На другой стороне улицы стоял мужчина в тёмной куртке и кепке, смотревший в их сторону. Он не делал попыток подойти, но и не уходил. Алина схватила Нику за руку.

— Идём, — сказала она. — Только спокойно, не оборачивайся.

Они быстро пошли по улице, свернули в переулок, затем ещё раз, петляя между домами. Алина слышала за спиной шаги — быстрые, уверенные. Она ускорила, и они почти бегом выскочили на центральную площадь, где было много людей. Только там она остановилась и оглянулась. Мужчина не преследовал их. Но она знала, что они не случайно оказались в архиве, не случайно нашли улики. За ними следили. И теперь преследователи знают, что они знают правду.

Она достала телефон и набрала номер Николая. Тот ответил почти сразу.

— Алина, — голос его был взволнованным. — Я хотел те-

бя предупредить. Кто-то взломал мой сарай вчера, перерыл все вещи. Они ищут письмо Анны. У тебя оно?

— Да, у меня, — ответила Алина, чувствуя, как холод пробегает по спине. — Что делать?

— Спрячь его в надёжное место. И будь готова — они не остановятся. Они знают, кто ты. Они будут следить за твоей сестрой. Уезжайте из города. Немедленно.

— Мы ещё не нашли Михаила, — сказала Алина.

— Михаил мёртв, — внезапно сказал Николай, и его голос дрогнул. — Я узнал об этом только сегодня. Пять лет назад он погиб в автокатастрофе. Воронцовы убрали его, как убрали Анну и Екатерину. Ты — последняя, кто может раскрыть правду. Или они уберут и тебя.

У Алины подкосились ноги. Она оперлась на стену, пытаясь переварить сказанное. Михаил мёртв. Последняя надежда исчезла. Но осталась Ника. И если Ника — дочь Екатерины, она — единственная прямая наследница состояния Воронцовых, и, следовательно, единственная, кому сейчас угрожает опасность.

Она посмотрела на сестру, которая стояла рядом, бледная, но собранная.

— Нам нужно уехать, — сказала Алина. — Прямо сейчас.

Они сели в машину и выехали из города, не оглядываясь. Дорога была пустынной, но Алина чувствовала себя загнанным зверем. Она вела машину на пределе возможностей, всё время, поглядывая в зеркало заднего вида. Однако машин

позади не было.

— Куда мы едем? — спросила Ника.

— В Зареченск. Но не домой. Нам нужно где-то переждать, пока я не придумаю план. У меня есть идея — я знаю одно место, где нас не найдут.

Она свернула на просёлочную дорогу, ведущую в лес. Машина подпрыгивала на ухабах, но Алина не сбавляла скорость. Через несколько километров впереди показался старый охотничий домик — заброшенный, но, по слухам, всё ещё пригодный для ночлега. Она остановилась у крыльца и выключила двигатель.

— Здесь, — сказала она. — Я знаю это место с детства. Бабушка возила нас сюда на выходные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.